

И.С. ЯЖБОРОВСКАЯ*

ВВЕДЕНИЕ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЬШЕ. ПОЗИЦИЯ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА (1980–1981 годы)

События 1980–1981 гг. были проявлением очередного социально-экономического и политического конфликта в истории Польской Народной Республики (ПНР), в том числе следствием неудачной попытки руководства Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) во главе с первым секретарем ЦК Э. Гереком модернизировать экономику страны, выйдя из этой ситуации при помощи крупных западных займов и покупки новых технологий. Этот конфликт вылился в кризис “реального социализма”¹. Так называемая понижательная волна “длинных волн” кондратьевских циклов мировой конъюнктуры 70-х годов, когда мировая экономика оказалась на спаде, в Польше способствовала углублению кризиса, который разрушал изнутри систему стимулов экономического роста и препятствовал научно-техническому прогрессу, усиливал неспособность административно-командной экономики справляться с вызовами времени и обрекал ее на упадок². Кризис сковывал политическое развитие и ослаблял связи с обществом, что порождало все более острые противоречия и конфликты, сопровождавшиеся массовыми выступлениями трудящихся. В начале 80-х годов выражением очередного социально-политического конфликта стало широкое протестное движение “Солидарность”, самоидентифицировавшееся как “независимый профсоюз”.

В июле 1980 г. несколько краткосрочных забастовок в Люблине в связи с повышением цен на мясо и мясные продукты советским руководством еще не воспринималось как симптом разгоравшегося масштабного протестного движения трудящихся³. Тревожным сигналом для него стал неожиданный отъезд 15 августа 1980 г. отдыхавшего в Крыму Герека в Варшаву: накануне на гданьской судовой верфи вспыхнула забастовка 16-ти тысячного коллектива. С расширением массовых забастовок на Балтийском побережье и созданием очагов самоорганизации трудящихся – ячеек “независимых профсоюзов” быстро разгорался политический конфликт. Получаемая в Москве информация свидетельствовала о распространении “антисоциалистических” настроений: поисках основной причины кризисных явлений, роста экономических трудностей и снижения жизненного уровня населения в характере функционирования власти – в отчуждении партийного руководства и всей партии от народа, в бюрократизации и обогащении ее актива, в отказе от демократизации внутривластной жизни и проведения рыночной реформы.

В 20-х числах августа Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев направил Э. Гереку письмо об озабоченности советского руководства по поводу разворачивавшихся в Польше событий. Согласно сформулированной им на основе опыта чехословацкой “пражской весны” в ноябре 1968 г. на V съезде ПОРП концепции, полу-

Яжборовская Инесса Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН.

¹ См.: Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века в 3-х т. Т. 2. От стабилизации к кризису. 1966–1989. М., 2002, с. 446–450.

² *Некипелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. М., 1996, с. 73–74.

³ *Воронков В.И.* События 1980–1981 гг. в Польше. Взгляд со Старой площади. – Вопросы истории, 1995, № 10, с. 95.

чившей с подачи западных политиков название “доктрины Брежнева”, или “доктрины ограниченного суверенитета”, он руководствовался следующей установкой: “Когда враждебные социализму внешние и внутренние силы пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализму в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом, это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран”⁴.

Принятие этой советской внешнеполитической доктрины было важным фактором поддержания единства социалистического содружества, расширения роли СССР вплоть до права осуществлять вмешательство, в том числе военное, во внутренние дела своих союзников по Организации Варшавского договора (ОВД), не допуская их выхода из него. Исходя из этой доктрины, считалось, что акции разной степени интенсивности “на основе пролетарского интернационализма”, в том числе подавление “антисоциалистических” и “антисоветских” выступлений при использовании военного механизма стран ОВД, являются долгом Советского Союза. Вместе с тем, эта доктрина включала и следование принципу мирного сосуществования, невмешательства во внутренние дела других стран, мирного урегулирования международных споров. В результате возникало определенное противоречие между этими принципами – “укоренялось как бы противоречие между классовым и государственным подходом”⁵.

* * *

События в Польше были восприняты советским руководством как угроза существованию социализма, “социалистического содружества”, прочности ОВД и стабильности в Европе. Эта самая крупная страна Центрально-Восточной Европы, с самой большой, после советской, армией в рамках ОВД занимала в “социалистическом содружестве” ключевое геостратегическое положение, имела особое политическое и военно-стратегическое значение. Через нее проходили жизненно важные коммуникации, связывавшие Москву с Группой советских войск в Германии – она была мостом, соединявшим Советский Союз с ГДР. В Польше находилось советское ядерное оружие. Она обеспечивала контроль над Чехословакией и Венгрией. Балтийское побережье являлось связующим звеном в действиях союзных флотов СССР, ГДР и Польши. Когда встал вопрос о выработке советской линии в отношении польской ситуации, в основу была положена “доктрина Брежнева” в преломлении к этим событиям. Брежнев в телефонном разговоре, предполагая традиционный силовой вариант, предупредил Герека: “У тебя контра, надо взять за морду, мы поможем”⁶.

25 августа 1980 г., после заслушивания информации Брежнева о складывавшейся в Польше обстановке, Политбюро ЦК КПСС приняло постановление “К вопросу о положении в Польской Народной Республике”⁷. Согласно советской геополитической доктрине, господствовала установка: “нам нельзя терять Польшу”. Была образована специальная, строго секретная комиссия ЦК КПСС по Польше во главе с членом Политбюро, секретарем ЦК М.А. Сусловым – так называемая “Комиссия Суслова” (после его смерти в 1982 г. ее возглавил М.С. Горбачев). В состав комиссии вошли А.А. Громыко, Ю.В. Андропов, Д.Ф. Устинов, К.У. Черненко, М.В. Зимянин, К.В. Русаков, И.В. Архипов, Л.М. Замятин и О.Б. Рахманин. В ее задачи входили отслеживание си-

⁴ V съезд Польской объединенной рабочей партии. 11–16 ноября 1968 г. Основные материалы и документы. М., 1969, с. 207.

⁵ Громыко А.А. Геополитическая доктрина Брежнева и внешняя политика СССР в 70–80-е годы (к 90-летию со дня рождения Л.И. Брежнева). Стенограммы расширенных заседаний Комитета Государственной Думы по вопросам геополитики. 1996–1999 гг. 19 декабря 1996 г. – <http://www.gromyko.ru/Russian/DA/an2.htm>

⁶ Gierek E. Przerwana dekada. Warszawa, 1990, s. 168.

⁷ Документ “Комиссии Суслова”: События в Польше. – Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 84.

туации и выработка предложений о необходимых мерах со стороны СССР как гаранта нерушимости социалистического лагеря, с особой ответственностью за сохранение Польши в ОВД. Комиссия работала в постоянном режиме. Практическую работу в ней вел в качестве секретаря первый заместитель заведующего отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями соцстран Рахманин. Рекомендации комиссии были основанием для принятия решений руководства КПСС⁸. Отныне ситуация в Польше сначала ежемесячно, а затем и чаще (в январе 1981 г. – уже 4 раза, а в апреле того же года – даже 5 раз) занимала существенное место в повестке дня заседаний Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Теперь Брежнев нередко начинал день с вопроса: “Как там дела в Польше?”. По мере нарастания напряженности Андропов все чаще (на основании опыта событий в Венгрии 1956 г. и Чехословакии 1968 г.) требовал докладов по ВЧ от представителя КГБ в Польше генерала В.Г. Павлова, который звонил ему по несколько раз в день.

Не исключалось и массированное введение с территории СССР в Польшу советских войск для подавления “контрреволюции”. Уже 28 августа председатель и члены комиссии Суслов, Громыко, Андропов, Устинов и Черненко в записке на имя Брежнева просили на следующий день привести в полную боевую готовность три танковых и одну мотострелковую дивизию “на случай оказания военной помощи ПНР”, призвать из запаса 100 тыс. военнообязанных и мобилизовать из народного хозяйства 15 тыс. машин. При дальнейшем обострении обстановки предполагалось доукомплектовать до состояния военного времени дивизии нескольких округов, а при выступлении на стороне “контрреволюционных сил” основных сил Войска Польского увеличить группировку еще на 5–7 дивизий.

Брежнев, который во время событий 1968 г. в Чехословакии не торопился с подписанием аналогичного распоряжения о введении войск, и на этот раз сказал “повременим”. Против еще одной обременяющей экономику военной операции, помимо афганской, был и начальник Генерального штаба Советской Армии маршал Н.В. Огарков⁹.

31 августа 1980 г. в “Правде” была опубликована установочная статья “Происки врагов социалистической Польши” за подписью “А. Петров” (так подписывались статьи, одобренные политбюро). В ней возникновение “Солидарности” объявлялось делом рук “подрывных сил” в лице Комитета защиты рабочих и спецслужб Запада¹⁰. Любой компромисс с подобными силами, по мнению советского руководства, заведомо был исключен. Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС от 3 сентября и прилагаемые к нему тезисы для беседы с представителями польского руководства отразили резко негативную реакцию советского руководства на развитие событий “антисоциалистической направленности” в Польше – на возникновение и действия “Солидарности”, а также на динамику ситуации в ПОРП. Вначале польскому руководству было предложено, чтобы члены партии начали работу внутри “Солидарности”, полагая, что эту фазу конфликта таким образом можно будет свести на нет. Однако он только обострялся. Чтобы повлиять на его ход в направлении ослабления, к границам были стянуты советские войска.

В поведении Герека просматривались растерянность, стремление выждать. Советское руководство сделало ставку на нового первого секретаря С. Каню, который в 70-е годы как секретарь ЦК курировал МВД, спецслужбы и армию. На пленуме ЦК ПОРП 5 сентября он заменил Герека. Приглашенным в Москву членам руководства ПОРП М. Ягельскому (10 сентября) и А. Вербляну (17 сентября) во время бесед с Брежневым и Сусловым по поводу средств и методов преодоления кризиса последние рекомендовали готовить контрнаступление, при необходимости использовать взвешенные административные средства, осуществлять «по государственной линии необходимые меры по укреплению социалистического правопорядка, а также энергично воз-

⁸ Воронков В.И. Указ. соч., с. 96.

⁹ Млечин Л. Андропов. М., 2008, с. 247.

¹⁰ Правда, 31.VIII.1980.

действовать на настроения населения при помощи идеологических методов, дабы не позволить скомпрометировать “реальный социализм”, стимулировать брожение в других странах “содружества” и подорвать его политическую систему»¹¹. Политика ПОРП оценивалась как уступки контрреволюции. Особое беспокойство в Москве вызывали подписанные в Гданьске, Щецине и Ястшембе-Здрое соглашения представителей партийного руководства с “Солидарностью”, которые оценивались как легализация “антисоциалистической оппозиции”, а затем оформление 17 сентября 1980 г. “Солидарности” как общепольской структуры, что ставило под удар “ведущую роль партии в обществе и руководящую в государстве”. В дальнейшем еще большее раздражение вызывали политические требования установления самоуправляющейся Речи Посполитой, привлечения к ответственности партийных и государственных руководителей, виновных в трудной экономической ситуации в стране, установления демократических прав и свобод и т.д.

Советское руководство неоднократно обсуждало вариант прямого использования военно-политической силы Советского Союза, однако не торопилось с принятием решения. Остававшийся на польской территории после окончания Второй мировой войны контингент в 70-е годы был по просьбе Герека увеличен. Вес аргументов против задействования дополнительных советских войск для изменения ситуации в Польше также увеличивался. Сложная экономическая ситуация в самом СССР, большие затраты на войну в Афганистане, угрозы кровопролития в Польше, введения Западом экономических санкций, в также усиление разногласий в международном коммунистическом движении – являлись весьма серьезными аргументами против советского военного вмешательства. В Москве стали формироваться настроения в пользу снятия конфликта и восстановления “ведущей роли” партии в обществе Польши польскими же руками – при помощи дискредитации лидеров оппозиции, внедрения в независимые профсоюзы своих людей. С целью давления на польское руководство, на “Солидарность” и на все польское общество в средствах массовой информации широко обсуждался факт присутствия советских войск на польской территории, концентрация советских войск на советско-польской границе и возможность их введения в ПНР. Тогда же и возникла идея введения военного положения в стране для разгрома “Солидарности”. Свою задачу советское руководство видело в том, чтобы убедить руководителей Польши как можно быстрее задействовать силовые структуры “для наведения порядка в стране”.

Руководство ПОРП делало упор на политические методы разрешения кризиса, надеясь снизить накал ситуации в стране за счет обращения к советскому руководству об оказании экономической помощи. Она была предоставлена Польше Советским Союзом совместно с другими странами социалистического содружества. Но этим Кania и ограничился, что возмущало Брежнева. В Москве выжидали, пока ситуация созреет для силового решения и вынудит польское руководство встать на этот путь.

Начался двусторонний поиск конституционных оснований для такого разрешения конфликта в Польше. В конституции ПНР Отделом ЦК КПСС была выявлена статья об “угрозе безопасности Польши”, которая могла бы стать правовой основой введения военного положения. С этого момента в Кремле стал утверждаться курс на силовое решение политического конфликта, но польскими руками¹². Согласно протоколам Политбюро ЦК КПСС, на заседании 29 октября 1980 г., накануне визита в Москву С. Кани и председателя Совета Министров ПНР Ю. Пиньковского, Брежнев сформулировал оценку противостояния и рекомендации очень жестко: “В Польше действительно сейчас идет разгул контрреволюции, а в выступлениях польской печати и польских товарищей ничего не говорится об этом, не говорится о врагах народа... Как же это так?”. Ссылаясь на опыт Югославии, где против бастующих рабочих применялись репрессивные меры вплоть до тюремного заключения, советские руководители

¹¹ Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 87, 88.

¹² Воронков В.И. Указ. соч., с. 98.

настаивали на применении аналогичных мер и в Польше. Брежнев сформулировал коренной вопрос: “Может, действительно надо будет ввести военное положение?”. Громыко развил эту мысль, предложив использовать такую меру для спасения революционных завоеваний, для чего “подкрепить” польское руководство. Устинов обосновал советскую позицию следующим образом: “если мы не введем военное положение, ситуация станет очень трудной, тем более, что в польской армии имеют место колебания”. Советская Северная группа войск (СГВ) “подготовлена и находится в полной боевой готовности”. Громыко предлагал вводить военное положение не сразу и тем более “не сразу после возвращения Кани и Пиньковского из Москвы, какое-то время подождать”¹³.

На заседаниях политбюро высказывались разные тактические варианты решения: польскими силами как предпочтительный и “вооруженной интервенцией отдельно Советского Союза или со странами Варшавского договора в случае крайней необходимости”¹⁴. Прямое советское военное вмешательство в события в Польше все более рассматривалось как потенциальный, но нежелательный и вынужденный вариант – если для изменения ситуации в стране не будет другого выхода, как только задействование советских войск. Правда, председатель работавшей в 1990–1992 гг. Комиссии Верховного Совета Российской Федерации по передаче документов архивов КГБ и КПСС для научного и общественного пользования Д.А. Волкогонов утверждал, что, согласно этим документам, советское руководство продолжало подготовку введения войск в Польшу¹⁵.

Весь ход заседания политбюро 29 октября свидетельствовал, что курс польского руководства на то, чтобы договориться с умеренной частью “Солидарности”, советских руководителей не устраивал. Секретарь ЦК КПСС К.В. Русаков упрекал польских лидеров в излишней сдержанности: Кania вообще не приемлет “интернациональной помощи”, а “излишне пассивный” министр обороны В. Ярузельский утверждает, что польские воинские формирования не пойдут против польских рабочих. “Польские товарищи говорят, – информировал Русаков, – что у них не такое положение, какое было в Венгрии и Чехословакии”¹⁶. То есть в Польше, по их мнению, не настолько обострилась ситуация, чтобы она диктовала необходимость введения военного положения и применение силовых методов – как самими поляками, так и извне. Было решено поставить перед польскими друзьями вопрос о “всесторонней помощи” в целях нормализации ситуации как гарантии присутствия ПНР в ОВД¹⁷.

Прибывшие 30 октября в Москву Кania и Пиньковский в течение почти недели беседовали с Л.И. Брежневым. Он нацеливал их на то, чтобы, пока время не упущено, немедленно “отбросить контрреволюцию”, задействовав государственный аппарат, армию, милицию, органы безопасности, опираться на “здоровые силы в партии и народе”, использовать как мирные, так и немирные средства борьбы. Советская сторона обещала оказать необходимую поддержку¹⁸. Встречи в Москве и выезды представителей Политбюро и Секретариата ЦК КПСС в Варшаву с последующим проведением ситуационного анализа и оценки позиции польского руководства сопровождались недоуменным рефреном со стороны Брежнева: “польские товарищи не могут понять той простой истины, что они имеют дело с распоясавшейся контрреволюцией”¹⁹. Андропова особенно возмущало то, что польские руководители вместо строгих военных, административных и судебных мер говорят только о так называемом “политическом

¹³ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 89, оп. 46, д. 59, л. 4–7; оп. 42, д. 37, л. 1, д. 34, л. 3.

¹⁴ Воронков В.И. Указ. соч., с. 98, 99.

¹⁵ Известия, 19.VI.1994.

¹⁶ РГАНИ, ф. 89, оп. 42, д. 34, л. 5.

¹⁷ Там же, д. 37, л. 1–5; Воронков В.И. Указ. соч., с. 99.

¹⁸ Воронков В.И. Указ. соч., с. 100.

¹⁹ РГАНИ, ф. 89, оп. 42, д. 35, л. 4.

урегулировании”. 31 октября Брежнев проявил разносторонний подход к ситуации: он рекомендовал как побудить польское руководство к “более решительным действиям”, так и “приободрить, укрепить их уверенность в своих силах и возможностях”, и главное – оказать посильную экономическую помощь, “которая позволила бы полякам продержаться в это трудное время”²⁰. Такую помощь, о которой для смягчения кризиса продолжало добиваться польское руководство, Брежнев пообещал дать. И, согласно постановлению ЦК КПСС “Об оказании экономической и финансовой помощи Польше в 1981 г.” от 11 ноября 1980 г., она была выделена в первом квартале 1981 г.

* * *

Приобретая в условиях “холодной войны” опыт разрешения кризисных ситуаций в Польше и Венгрии 1956 г., “пражской весны” 1968 г., СССР и другие страны социалистического содружества пытались применить его и для разруливания польской ситуации. Формировался единый подход стран ОВД к польскому кризису. В ноябре 1980 г. в ЦК КПСС обсуждался вариант привлечения по чехословацкому образцу “здоровых сил” в ПОРП и польском народе к самым решительным, неполитическим методам преодоления социально-политического конфликта в стране. Периодически в Москву приглашались на беседы лидеры социалистических стран, особую обеспокоенность которых вызывало возможное выпадение Польши из существующей системы безопасности социалистических стран и которые подключались к давлению на польское руководство. 5 декабря на встрече в Москве (в отсутствие польских руководителей) они откликнулись на призыв советского руководства быть верными взаимным союзническим обязательствам и не бросать Польшу “на произвол судьбы”²¹. Это позволяло трактовать позицию ОВД двояко – как заявку на выработку военно-политической организацией социалистических стран плана военной операции по введению войск в Польшу (так его оценило руководство США на совещании в Белом доме 7 декабря), и как маневр по запугиванию Кани и его окружения участием стран ОВД в военном вмешательстве, чтобы вынудить польских руководителей самим пойти на “чрезвычайные меры”. Брежнев подчеркивал, что в таком прочтении намерений “социалистического содружества” вреда не будет.

Г. Гусак, основываясь на опыте 1968 г., а Я. Кадар – на опыте 1956 г., советовали предпринять энергичные действия. Э. Хоннекер рекомендовал сменить польское руководство и ввести войска²². В беседах с польскими руководителями советские руководители сознательно не исключали возможность советского вооруженного вмешательства, чтобы подтолкнуть их к активным действиям. Так, того же 5 декабря в беседе с Каней Брежнев заявил: “Если мы увидим, что вас опрокидывают, то мы войдем”. Другими словами, если “здоровые силы” будут терпеть поражение, советские войска будут задействованы – как вынужденный вариант. В воспоминаниях Кania передал слова Брежнева так: “Хорошо, не войдем. А как будет осложняться, войдем, войдем. Но без тебя не войдем”²³.

Польские руководители стремились заверить своих коллег по социалистическому содружеству, что они сами справятся с ситуацией в стране, что необходимости в их военном вмешательстве нет. На следующей встрече партийных и государственных деятелей стран содружества Ярузельский выступил с заявлением о планируемой ликвидации кризиса в Польше собственными силами по мере снижения напряженности в стране, а Кania предостерег, что вооруженное вмешательство вызовет резкую реакцию общества – вплоть до общенационального восстания.

Советские руководители все глубже осознавали, что в Польше ситуация становилась все более сложной и противоречивой: с одной стороны, протестное движение

²⁰ См.: General Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce. Warszawa, 1994, s. 276–280.

²¹ Воронков В. И. Указ. соч., с. 103.

²² Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти (1945–1991). М., 1998, с. 400, 408.

²³ Kania S. Zatrzymać konfrontację. Warszawa, 1992, s. 91.

трудящихся приобрело небывало массовый характер, отсутствовала уверенность в необходимой лояльности других польских сил и возможности избежать негативных международных последствий такого шага. С другой – польские руководители твердо заверяли советских, что “Польша была, есть и будет социалистическим государством, прочным звеном общей семьи стран социализма”²⁴. Это воспринималось в Москве скорее как недопонимание серьезности ситуации, но советское руководство вынуждено было принимать точку зрения руководства ПНР, что оно справится само, без внешней силовой поддержки.

Подводя итоги встречи 5 декабря партийных и государственных деятелей стран социалистического содружества, политбюро ЦК КПСС 12 декабря склонилось к тому, чтобы принять курс на разрешение кризиса польскими силами²⁵. Это был важнейший момент в развитии советской политики в отношении событий в Польше. Советское руководство утвердилось в мысли, что руководство ПОРП должно само справиться с ситуацией в стране. Перед Москвой вставала задача побудить польское руководство как можно быстрее ввести в Польше военное положение для скорейшей нормализации внутрисполитической ситуации. Кроме того, было решено самым активным образом влиять на внутреннюю расстановку сил в Польше, поддерживая “здоровые силы” в ПОРП.

Польское руководство в начале 1981 г. по-прежнему продолжало курс на диалог с “Солидарностью”, стараясь урегулировать конфликт политическими средствами – через компромисс с верхушкой “Солидарности”. Это вызывало беспокойство советского руководства. Когда 22 января 1981 г. состоялось заседание политбюро по итогам визита в Польшу советской делегации во главе с завотделом ЦК КПСС Л.М. Замятиным (13–20 января), в стенограмме была зафиксирована констатация Громыко: “Польские друзья, несмотря на наши рекомендации, не хотят применять чрезвычайные меры, эта мысль по существу у них совсем отсутствует”²⁶. Брежнев, отслеживая развитие ситуации в Польше, практически каждые две недели напоминал телефонными звонками Кане о решительных действиях в отношении “контрреволюции”. 30 января он по телефону настаивал на этом ввиду “смертельной опасности”, нависшей над социализмом в Польше. Найти прочную опору для эффективных действий “здоровых сил” оказывалось весьма сложно. Польские военные со второй декады ноября вели подготовку к введению в стране военного положения. Прежде всего был скомпонован пакет документов относительно юридической стороны этого вопроса. Как свидетельствует весьма компетентный сотрудник МИД СССР и аппарата ЦК КПСС В.Л. Мусатов, в конце года польскими военными и работниками спецслужб с участием советских специалистов из Министерства обороны и КГБ адаптированный к ситуации в Польше вариант с введением чрезвычайного положения был отработан²⁷.

Для усиления влияния на ситуацию в Польше, а также в рамках подготовки к возможному задействованию в этих целях советских войск и войск ряда стран ОВД использовался метод проведения совместных военных учений. Советское руководство передало польскому командованию 1 декабря план введения в Польшу 15 советских, одной восточногерманской и двух чехословацких дивизий в рамках командно-штабных учений союзных армий и флотов “Союз-80”. В ходе этих учений перед ними ставилась задача 8 декабря быть готовыми к переходу польской границы и окружению крупных городов и промышленных центров. Однако начало учений неоднократно поляками откладывалось. Тем не менее они состоялись и продолжались два с половиной месяца. Потом штабы постепенно начали сворачиваться. Флаги стран Варшавского договора были сняты с флагштоков в Легнице только в мае.

²⁴ Правда, 27.XII.1980; Советский Союз и Народная Польша. 1974–1987. Документы и материалы. М., 1989, с. 170.

²⁵ Воронков В.И. Указ. соч., с. 104.

²⁶ РГАНИ, ф. 89, оп. 42, д. 36, л. 4, 5.

²⁷ Мусатов В.Л. Россия и Восточная Европа: связь времен. М., 2008, с. 195.

В Вашингтоне, по воспоминаниям министра обороны США Р. Гейтса, тогда высокопоставленного сотрудника ЦРУ, а затем его директора, до конца 1980 г. у американских спецслужб существовало мнение, что польские власти сами справятся с ситуацией в стране. В конце января, систематически получая информацию от своего агента в польском военном руководстве полковника Р. Куклинского и отмечая новый существенный рост напряженности в Польше, ЦРУ прогнозировало усиление советского давления в сторону активизации самих польских властей. К началу февраля 1981 г. у американских спецслужб сложилось иное представление – что в случае усиления внутренней конфронтации в Польше, все сильнее будет проявляться тенденция к советскому вторжению²⁸. Когда 10 февраля на посту премьер-министра Пиньковского сменил Ярузельский, директор ЦРУ Кейси докладывал президенту США Р. Рейгану о крайнем обострении ситуации в Польше и о приближении силового решения конфликта путем вторжения воинских контингентов ОВД. По всей вероятности, руководство не только США, но и Польши не очень ориентировалось в тактике советского руководства. Ярузельский в феврале 1981 г. также говорил М. Раковскому: “Наша историческая миссия состоит в том, чтобы не допустить советской интервенции”²⁹.

В руководящих советских органах шла подготовка мероприятий по введению военного положения в Польше и нормализации ситуации. В советских структурах прорабатывались меры, направленные на ослабление, а затем разгром “контрреволюции” в Польше, обсуждалась модель социализма, которая должна была быть утверждена в Польше. С этой целью была создана рабочая группа из представителей аппарата ЦК КПСС, КГБ, генштаба и МИД на уровне заместителей руководителей этих ведомств. В начале февраля были представлены ее рекомендации относительно разгрома “Солидарности”, усиления контроля и воздействия в сфере экономики, неуклонной работы “со здоровыми силами” в ПОРП в направлении введения военного положения и установления соответствующего режима. В связи с обострением ситуации в стране в феврале польские силовые структуры провели “штабные игры” ввиду необходимости подготовиться накануне возможной всеобщей стачки к объявлению военного положения на всей территории страны.

В середине февраля комиссией Политбюро ЦК КПСС по польскому вопросу были одобрены “Программа упрочения социализма в Польше” и ведущие к этому политические шаги, в том числе ликвидация “пережитков капитализма”, проведение коллективизации деревни, утверждение планового хозяйства и переориентация внешнеэкономических связей на СССР, а также ограничение деятельности католической церкви, разгром политической оппозиции и формирование “социалистической интеллигенции”. В качестве первоочередной задачи выдвигалось очищение партии от ревизионистов и оппортунистов, от сторонников компромисса с “Солидарностью” и глубокая реформа ПОРП³⁰.

23 февраля на XXVI съезде КПСС Л.И. Брежнев заявил: “социалистическую Польшу, братскую Польшу мы в беде не оставим и в обиду не дадим!”³¹. 4 марта, во время встречи высшего советского и польского руководства, беседа приняла еще более жесткий характер. В адрес польских руководителей последовали обвинения в проведении “гнилой” политики компромиссов с “классовым врагом”, в попустительстве вмешательства Запада во внутренние дела страны. Заявлялось о необходимости в течение двух недель “навести в Польше порядок”: “Наше терпение на исходе! Нам есть на кого положиться в Польше!”, – предостерегал Устинов³². В опубликованном в “Прав-

²⁸ *Gates R.M. From the Shadows. The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How they Won the Cold War. New York, 1996, p. 232–236.*

²⁹ *Rakowski M.F. Jak to się stało. Warszawa, 1991, s. 25.*

³⁰ *Воронков В.И. Указ. соч., с. 106.*

³¹ XXVI съезд КПСС. 23 февраля – 3 марта 1981 г. М., 1981; Советский Союз и Народная Польша, с. 178.

³² *Воронков В.И. Указ. соч., с. 109, 110.*

де” официальном заявлении по итогам встречи подчеркивалось: “Социалистическое содружество – неразрывно, его защита является делом не только каждого государства, но и всей социалистической коалиции”³³.

Подводя 12 марта 1981 г. итоги встреч с лидерами стран содружества во время съезда, члены Политбюро ЦК КПСС отмечали, что все руководители социалистических стран опасаются резонанса польских событий и повторения в своих странах подобного с нежелательными широкомасштабными последствиями.

* * *

ЦК КПСС продолжал максимально использовать фактор возможного ввода войск для сдерживания развития ситуации в Польше. Устинов предлагал подкрепить опасения польской стороны демонстрацией советской военной мощи – проведением маневров в Польше “несколько приподнять, т.е., иначе говоря, дать понять, что у нас силы наготове”³⁴. Одновременно с командно-штабными учениями союзных армий и флотов в СМИ были организованы утечки информации о подготовке к вводу войск стран ОВД в Польшу, с подчеркиванием того, что эта страна находится в сфере влияния СССР³⁵. “Быдгощские события” в марте 1981 г., когда при освобождении помещения местных органов власти были избиты трое деятелей “Солидарности”, что послужило поводом для подготовки на 31 марта всеобщей забастовки, для советского руководства стали стимулом для нового массированного давления на польское руководство с требованием безотлагательно применить силовые методы. Встал вопрос о немедленном введении военного положения. Распространялась информация о готовности советских воинских частей к вступлению в Польшу.

27 марта в Варшаву прибыл главнокомандующий вооруженными силами ОВД маршал В.Г. Куликов. Польское руководство, исходя из опыта разрешения в странах региона кризисов 1953, 1956, 1968, 1970 и 1976 годов, с тревогой ждало развития событий. Однако назревавший конфликт удалось разрешить мирно. Но отмена всеобщей забастовки в результате договоренности между правительственной комиссией во главе с М. Раковским и Всепольской согласительной комиссией “Солидарности” была воспринята в Москве резко негативно. В последние дни марта в связи с намеченной на 31 марта всеобщей забастовкой Брежнев несколько раз требовал под предлогом ее незаконности начинать прямую конфронтацию, не опасаясь кровопролития. Однако “Солидарность” забастовку отменила. Военное положение введено не было.

Ситуация в Войске Польском была неоднозначной. Получила хождение информация о возможном вооруженном сопротивлении в случае вхождения союзнических армий. В этой связи срочно был отозван советский военный атташе в Варшаве полковник Ю.С. Рытов, настаивавший на своей оценке ситуации: “Польша – не Чехословакия, и здесь дело может дойти до большой крови”³⁶.

В аппарате ЦК КПСС не прекращался анализ развития кризисной ситуации в Польше. Шел поиск выхода из нее, проигрывались варианты. Об одном из таких соversations рассказывает работавший тогда в Польше советский ученый и публицист Р. Борецкий: «После того, как согласились, что обстановка в Польше все напряженнее... я отважился в такой среде, где уже проскакивали искры агрессивности, сказать примерно следующее: дескать, уже есть опыт 1968 г. Чехословакии. Он, этот опыт, может казаться удачным – “вот ввели войска и умиротворили”. Но для Польши это не годится. И слишком далеко зашло там – слишком велик размах и популярность “Солидарности”. И поляки – не чехи.

Заметил: публика как-то притихла. Вопросов больше не было»³⁷.

³³ Правда, 5.III.1981; Советский Союз и Народная Польша, с. 173.

³⁴ РГАН, ф. 89, оп. 66, д. 36, л. 4,5.

³⁵ Воронков В.И. Указ. соч., с. 107–108.

³⁶ Млечин Л. Указ. соч., с. 247.

³⁷ Борецкий Р. Мой генерал. Что он спасал: режим или страну? М., 2008, с. 99.

Лидеры коммунистических партий социалистического содружества продолжали постоянно информировать о положении в Польше. Подробный анализ ситуации шесть раз рассылался в январе – июле Э. Хонеккеру, Г. Гусаку, Я. Кадару, Т. Живкову и Ф. Кастро. Эти данные также использовались для оказания давления на польское руководство.

Напряженность между тем нарастала. Становилось все более очевидно, что наступил момент, когда цена подавления уже не отдельных, локальных выступлений низов, а массового социального движения – тем более не в малой стране, как раньше – становится слишком высокой, а результаты вмешательства извне – более чем проблематичными. Экстремальный вариант грозил обострением международного положения вплоть до серьезных экономических санкций и даже развязывания вооруженного столкновения двух блоков. Американцы получили информацию об откомандировании в Польшу трех оперативных групп советского генштаба и о расширении сети управления вводом войск. 28 марта в Варшаву прибыла группа высоких представителей КГБ, Министерства обороны СССР и Госплана для консультирования вопросов по поводу военного положения. Раскритиковав польские планы, они потребовали передачи полноты власти в руки военных, назначения на все уровни этих структур советских военных советников. Польское руководство такое требование не приняло, по-прежнему настаивая на своей ответственности за ситуацию, и ограничилось рядом уступок.

Как вспоминал Р. Гейтс, Вашингтон ждал введения в Польше военного положения, возможно, с вводом советских войск. По мнению М. Тэтчер, западные союзники на прямое вмешательство СССР готовы были ответить. В НАТО обсуждались возможные жесткие санкции.

Несмотря на то, что для введения военного положения не удалось использовать инцидент в Быдгощи, советское руководство продолжало прежнюю линию. 2 апреля 1981 г. Политбюро ЦК КПСС вновь обратилось к рассмотрению положения в Польше. Брежнев открыл рассмотрение “польского вопроса” словами: “У всех у нас большая тревога за дальнейший ход событий в Польше. Хуже всего то, что друзья слушают, соглашаются с нашими рекомендациями, но практически ничего не делают. А контрреволюция наступает по всему фронту”. Советское руководство опасалось, что момент для введения военного положения может быть упущен и “Солидарность” перехватит власть в стране. Оно искало новые аргументы, чтобы убедить польское руководство ввести военное положение. Линия польского руководства на политическое решение конфликта с “Солидарностью” была подвергнута критике. Брежнев предложил запланировать еще одну встречу семерки стран – членов ОВД по польскому вопросу на высшем уровне. Была также намечена встреча Устинова и Андропова с Каней и Ярузельским в Бресте, во время которой предполагалось рассмотрение экономических проблем в увязке с вопросом о введении военного положения.

Брежнев информировал, что 30 марта он в телефонном разговоре рекомендовал Кане на пленуме ПОРП принимать решительные меры, “не просто...критиковать, а брать в руки дубинку”: «Вы же все твердите о мирном пути, не понимая или не желая понять, что такой “мирный путь”, какого вы придерживаетесь, может стоить вам крови». Осуждая “капитуляцию перед оппозицией”, Брежнев все же принял предложенный польским руководством план проведения взаимосогласованных мер через Сейм, хотя и сомневался в том, “будут ли приняты эти меры в полном объеме” и “хватит ли решимости и сил осуществить эти меры на практике”. Устинов, со своей стороны, предлагал “принять все необходимые меры к тому, чтобы польские друзья действовали самостоятельно”, но, вместе с тем, оказать экономическое давление на парализованную забастовками Польшу, зависящую от советских поставок продовольствия (Польша согласия Советского Союза на свое вступление в МВФ не получила). Устинов рассматривал введение военного положения в контексте положения в польской армии, указав на ухудшение ее боеготовности в связи с призывом сочувствующего “Солидарности” молодого контингента. Он сомневался и в том, что Каня и Ярузель-

ский “пойдут на конфронтацию”, полагая, что в условиях высокой мобилизационной готовности “Солидарности” “кровопролития не избежать, оно будет”. Громыко был более сдержан, так как его беспокоило ухудшение отношений с Западом и возможные санкции против СССР. Он напомнил о настойчивых предостережениях Запада о том, что Советский Союз не должен вмешиваться своими вооруженными силами в дела Польши. Вместе с тем, он выступил за то, чтобы при любом положении дел внушать польским товарищам “необходимость принятия более жестких... чрезвычайных мер для наведения порядка”, поскольку дальнейшее отступление “совершенно неприемлемо”. Одновременно он осмотрительно предлагал выяснить, какова реальная ситуация в Польше, “как обстоит дело в вооруженных силах, является ли армия основной силой, можно ли опираться на нее”, что произойдет, если польские руководители пойдут хотя бы на частичное введение чрезвычайных мер – “будут ли они уверены в том, что армия, МВД и органы госбезопасности будут на их стороне”.

Андропов, опасаясь мирного захвата власти “Солидарностью” во время планируемого проведения в июне ее чрезвычайного съезда, был готов на личной встрече с польским руководством рекомендовать принятие “строгих мер”, “не бояться того, что это вызовет, может быть, и кровопролитие”. «Они ведь, – говорил он, – вместо строгих мер суют нам так называемое “политическое урегулирование”. Мы говорим им о принятии военных мер, административных, судебных, но они постоянно ограничиваются политическими мерами». Брежнев продолжил эту мысль, считая, что польские руководители по-видимому не понимают, что такое военное положение: “Надо будет им сказать, что значит введение военного положения, разъяснить им все толком”. Андропов эту мысль развил так: “Правильно, надо именно рассказать, что введение военного положения – это означает установление комендантского часа, ограниченное движение по улицам городов, усиление охраны государственных, партийных учреждений, предприятий и т.д.”³⁸. Эта рекомендация и была заложена в разработанный проект документа о введении военного положения, предназначенный в помощь польским руководителям.

3 апреля в Бресте между 21.00 и 3 часами утра, в железнодорожном вагоне на путях в районе границы состоялась секретная встреча советского и польского руководства. 9 апреля Андропов и Устинов представили отчет о ней на заседании Политбюро ЦК КПСС. Польские руководители, говорилось в нем, «были в очень напряженном состоянии, нервничали... Каня признал, что контрреволюция становится сильнее, антисоциалистические силы насаждают: влияние “Солидарности” еще не падает. Наоборот, ее позиции укрепляются. Поэтому, “что касается ввода войск, то они прямо сказали, что это совершенно невозможно, точно также нельзя вводить военное положение” – “их не поймут и они будут бессильны что-либо сделать»³⁹.

Кстати, как показала оценка специалистов, на тот момент численность сил вторжения в случае отказа Варшавы от сотрудничества и организованного сопротивления со стороны польской армии или населения, была явно недостаточной. В первом случае необходимо было иметь в распоряжении не менее чем 30 дивизий, во втором – по меньшей мере – 45 дивизий. Такого количества войск тогда не было, а ситуация в Польше накалилась до предела, что не позволяло более или менее спокойно ввести военное положение. Кризис таким образом становился хроническим⁴⁰.

Каня и Ярузельский в очередной раз заверили, что наведут порядок своими силами. Андропов и Устинов, согласно их докладу о ходе встречи, критиковали польских руководителей за нерешительность, объясняли им, что силовые действия – это весьма распространенная политическая практика, в том числе в социалистических странах. Они привели в качестве примера Югославию, да и другие страны, где “чуть только вспыхнет восстание или начнется какая-то неразбериха, вводится чрезвычайное или

³⁸ РГАНИ, ф. 89, оп. 42, д. 39, л. 3–8.

³⁹ Там же, л. 3.

⁴⁰ Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М., 2005, с. 397.

военное положение”. Они настаивали на том, что польское руководство упускает время, поскольку военное положение можно было ввести еще в сентябре 1980 г., и что неверно противопоставлять мерам военно-административного характера политические меры – “надо все сочетать разумно”. Польским представителям было предложено подписать проект документа о введении военного положения. Они отказались сделать это без решения Сейма. В этой ситуации Андропов пошел на то, чтобы трактовать документ лишь как инструкцию на случай применения такой меры с ориентировочным сроком 11 апреля, но настаивал на ее подписании – “с тем, чтобы мы знали, что вы с этим документом согласны и будете знать, что надо делать во время военного положения”.

Польские руководители документ взяли, не читая, но не стали его подписывать (несколько позже выяснилось, что они не собирались использовать обострение ситуации для немедленного силового решения). Вместе с тем они сформулировали новые предложения по политическому урегулированию конфликта в стране. При обсуждении политических вопросов упор был сделан на укрепление позиций партии и государства. Намерение создать Фронт национального спасения для поиска адекватных политических решений было советскими представителями одобрено с оговоркой, что “этот фронт не должен подменять партию и правительство”. Ими было высказано также предложение о возможности использования для давления на настроения общества аргумента об опасности возвращения Силезии и Гданьска ФРГ (это, считали они, можно было “как следует обыграть” для сплочения народа), а в пропаганде внутри страны предполагалось акцентировать внимание населения на важное значение для Польши советской экономической помощи, которую в противном случае можно потерять.

На Политбюро ЦК КПСС по итогам этой встречи особо обсуждались борьба с “Солидарностью” и раскол в руководстве ПОРП. Советское руководство весьма беспокоило настроения в ПОРП: представители левых догматиков – собирались организовать подпольное политбюро (как выяснилось, по рекомендации Т. Живкова). Эта идея была отвергнута, поскольку влекла за собой сдачу политических позиций и проигрыш. Суслов предложил пресечь подобные инициативы, подготовив информацию для братских партий⁴¹. В середине апреля на Политбюро ЦК КПСС обсуждались не только ближайшие шаги, без “нагнетания нервозности”, но и необходимость поручить “Комиссии Суслова” подготовку “более широкого, так сказать стратегического анализа, который позволил бы оторваться от текущих событий и оценить более отдаленную перспективу развития обстановки в Польше и вокруг нее”⁴².

* * *

Важнейшим событием в жизни ПОРП и страны советское руководство считало IX съезд, намеченный на июнь 1981 г. Поэтому подготовка и проведение его находились в центре его внимания. Своей целью при выборах в партийные органы советское руководство ставило задачу укрепления позиций партийных консерваторов (“здоровых сил”) и ослабления партийных реформаторов (“ревизионистов”). На заседании Политбюро ЦК КПСС 23 апреля рассматривалась не только общая ситуация в Польше, но и, прежде всего, положение в ПОРП. В прилагаемой записке говорилось, что внутривнутриполитический кризис “принял затяжной хронический характер”. И если “Солидарность” пока не идет на взятие власти, “то, прежде всего, из опасения ввода советских войск и надежд добиться своих целей без кровопролития, путем ползучей контрреволюции” – захвата власти на законной основе.

Анализ расстановки сил внутри ПОРП носил взвешенный, по тем временам, характер. Подчеркивалось, что наиболее близкие к советским позициям ортодоксальные силы настроены на решительные, “лобовые” действия. Они, с одной стороны, не считаются со сложившимся в стране соотношением сил, а с другой – “не видят

⁴¹ РГАНИ, ф. 89, оп. 42, д. 40, л. 2–6; д. 46 л. 3.

⁴² General Pawłow: byłem rezydentem KGB w Polsce, s. 331–332.

возможности оздоровления обстановки без ввода советских войск. Такая позиция объективно ведет ко все большей их изоляции в партии и стране". Из этого следовал вывод, что на них трудно опереться, поскольку понадобятся немалые усилия для их избрания на съезд и в состав руководящих органов (если это вообще окажется возможным). Реформаторский фланг в ПОРП определялся как идеологически чуждый, близкий к лидерам "Солидарности", к концепции перестройки социально-экономической сферы "примерно в югославском духе", а политической – в духе еврокоммунизма и социал-демократического плюрализма, партнерства различных политических сил⁴³.

В период подготовки к съезду последовательно реализовался намеченный Политбюро ЦК КПСС план мероприятий по оказанию помощи руководству ПОРП в организационном и идеологическом укреплении партии – командировок и консультаций ведущих советских партийных и государственных деятелей Суслова, Громыко и Гришина, партийных делегаций различных уровней, журналистов партийных изданий, работников профсоюзов и т.д., призванных разъяснять "основные закономерности марксизма-ленинизма".

Перед съездом ЦК КПСС 5 июня напрямую обратился к членам ПОРП. В этом обращении говорилось, что советские товарищи в высшей степени озабочены тем, что над революционными завоеваниями польского народа "нависла серьезнейшая опасность", "угроза и самому существованию независимого Польского государства". "И кто бы мог тогда, – отмечалось в обращении, – гарантировать независимость, суверенитет, границы Польши как государства? Никто". Эта констатация сопровождалась традиционным идеологическим посылом: наступление антисоциалистических сил в ПНР "угрожает интересам всего нашего содружества, его сплоченности, целостности, безопасности границ"⁴⁴.

В этот период раскол в обществе был на пределе. По результатам опросов, в июне ПОРП поддерживали 6%, правительство 24%, "Солидарность" – 62% населения⁴⁵. На проведенном по просьбе Старой площади 9–10 июня XI пленуме ЦК ПОРП при выяснении расстановки сил в ЦК, а по существу в партии, "ортодоксы" получил менее четверти голосов. В этой ситуации в Москве было признано целесообразным продолжать поддерживать Каню и Ярузельского. Постановление пленума ориентировало как на "совпадение взглядов в оценке нынешней ситуации в Польше" с КПСС, так и на продолжение процесса социалистического обновления путем объединения всех сил Фронта единства народа "на реализацию политики общественного примирения и реформ"⁴⁶. В то же время вопрос о подавлении "мятежа" в Польше силовыми методами и дальше не сходил с повестки дня в ходе многочисленных интенсивных контактов с польским руководством. В Варшаву вновь прибыл командующий войсками ОВД маршал В.Г. Куликов, который до середины июня вел переговоры с Каней, Ярузельским и начальником генштаба Войска Польского генералом Ф. Сивицким, настаивая на решительных действиях.

В записке "Комиссии Суслова" по польскому вопросу рекомендовалось в максимальной степени использовать в качестве фактора сдерживания контрреволюции опасения "внутренней реакции" и "международного империализма", что Советский Союз может ввести в Польшу свои войска⁴⁷. Через два дня после телефонного разговора 16 июня с Каней, на которого такая перспектива подействовала устрашающе, Брежнев на политбюро выразил надежду: "Может быть, они, в конце концов, задумаются и начнут действовать энергично"⁴⁸. Весьма активно реагировало командование Советской Ар-

⁴³ Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 90, 91.

⁴⁴ Правда, 12.VI.1981; Советский Союз и Народная Польша, с. 175, 178.

⁴⁵ См.: Paczkowski A. *Pół wieku dziejów Polski*. Warszawa, 2005.

⁴⁶ Советский Союз и Народная Польша, s. 179–180, 182.

⁴⁷ Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 92.

⁴⁸ РГАНИ, ф. 89, оп. 41, д. 44, л. 5.

мии, которое в июле без согласования с польской стороной перебросило в Польшу 600 танков, устроив их парк.

Впрочем, IX чрезвычайный съезд ПОРП в июне 1981 г. особых перемен не принес, в том числе и в расстановке сил внутри руководящих органов партии. Зато к августу усилилось (хотя потом на время и затормозилось) сближение между руководством партии, “Солидарностью” и католической церковью.

Маршал Куликов в августе потребовал согласия командования Войска Польского на введение в его состав советских военных советников, начиная от уровня генерального штаба до командования дивизиями. Однако получил отказ. В ожидании приближения силовой конфронтации в Москве по согласованию между КГБ и польским МВД было тайно распечатано заявление Государственного Совета о введении военного положения (без даты и указания фамилии его председателя). Оно было переправлено в Польшу. В сентябре – начале октября вблизи польских границ на территории Белорусского и Балтийского военных округов и в акватории Балтийского моря были проведены приуроченные к I съезду “Солидарности” учения советских войск “Запад – 81”.

Представителями двух генштабов продолжали разрабатываться планы на случай чрезвычайной ситуации. По информации упоминавшегося выше американского агента полковника Р. Куклинского, генерал Ф. Сивицкий делился со своим окружением сведениями о вероятной дате введения военного положения и о вероятной помощи со стороны СССР, если собственная операция не удастся. В СМИ в очередной раз была запущена информация о возможном оказании “интернациональной помощи”. Однако в середине сентября от предложенного польскими военными плана введения военного положения политическое руководство Польши отказалось.

Новый виток энергичного давления на польское руководство с советской стороны, подталкивавшей введение военного положения, был связан с решениями, принятыми I съездом “Солидарности”. Анализ его идейно-политических установок, который провела “Комиссия Суслова” в связи с подготовкой доклада ее руководителя на пленуме ЦК КПСС, подводил к однозначным выводам: съезд принял программу прихода к власти и изменения общественного строя, ликвидации существующей формы собственности и централизованного планового управления, а также партийной номенклатуры, установления рабочего самоуправления. Установка на свободные выборы в парламент и местные органы власти, беспрепятственный доступ всех политических и общественных сил к СМИ, ликвидация политической цензуры трактовались как отстранение ПОРП от власти и перерождение страны в буржуазную парламентскую республику с многопартийной системой. Принятие съездом “Обращения к народам Восточной Европы” об обмене опытом борьбы за свободные профсоюзы было расценено как покушение на принципы “социалистического содружества” и ОВД. Это могло стать основанием для немедленного введения военного положения. 17 сентября посол СССР в Варшаве Б.И. Аристов передал Кани и Ярузельскому заявление советского руководства с протестом против “провокационной деятельности антисоциалистических сил” как наносящей ущерб советско-польским отношениям и противоречащей союзническим обязательствам Польши. Резкие протесты Москвы вызвало восстановление празднования дня возрождения независимого Польского государства 11 ноября и открытие на варшавском официальном кладбище Повонзки символического памятника “Жертвам Катыни” с датой “1940”.

Каких-либо решительных шагов со стороны Кани не последовало. Советское руководство посчитало, что он психологически и политически деморализован, не в состоянии справиться с задачей введения военного положения в стране. На IV пленуме ЦК ПОРП 18 октября новым первым секретарем партии был избран премьер-министр, министр обороны, председатель Совета обороны страны генерал Ярузельский. Это был самый авторитетный в партии и имеющий вес в армии деятель. 19 октября, поздравляя его по телефону с избранием, Брежнев настойчиво напоминал о необходимости немедленных действий в опоре на “здоровые силы” против “контрреволюции”.

Подготовка к введению военного положения, казалось, вступала в решающую стадию, подогреваемая все более жестким давлением на польские власти и общество. В Польше, на Жаганьском полигоне с приглашением военного руководства Польши, ГДР и Чехословакии были проведены тактические учения советских и польских войск, сопровождавшиеся демонстрацией новых видов советского оружия. Вопрос о вводе союзных войск не рассматривался⁴⁹. На совещании основного руководящего состава Министерства обороны СССР 21 октября, в ходе обсуждения обстановки в Польше, докладчик, начальник Генерального штаба маршал Огарков также его напрямую не поднимал, сосредоточив внимание на защите интересов СНГ, безопасности ее маршрутов и материальных запасов при выдвижении стратегических резервов в условиях военного времени. Маршал Куликов, как главнокомандующий Вооруженными силами ОВД, был озабочен сохранением Польши в качестве союзника и подготовкой ввода в эту страну размещенных по периметру границ войск ОВД (кроме ГДР-овских, против чего категорически возражал Ярузельский). Начальник штаба войск ОВД генерал А.И. Грибков наоборот, предупреждал от непредвиденных последствий такой акции⁵⁰, в чем его поддерживали маршал С.Л. Соколов и генерал армии А.А. Епишев⁵¹. Осенью 1981 г. оперативный план все более жестко предполагал ограничиться задействованием польских вооруженных сил, а участие частей других стран ОВД воспринималось в контексте опасности обострения ситуации во всем “социалистическом содружестве”. Но отказа от их роли в качестве резерва не предполагалось. Более того, они находились в состоянии боевой готовности на границах Польши до апреля 1982 г.

Наличие других силовых вариантов на случай неудачи введения военного положения польскими силами подтвердил ряд советских военачальников. В начале 90-х годов, уже будучи начальником Генерального штаба Советской армии, генерал В.П. Дубынин, участвовавший в разработке соответствующих мероприятий, в 80-х годах в интервью Борецкому сообщил следующее: “В 1981 г. планировалось, если со стороны польского руководства не будет решительных ходов по поддержанию стабильности строя, порядка в стране, применить и военные меры. Я не хочу здесь утверждать, что речь шла об обязательных военных действиях. Скорее о том, чтобы своим присутствием стабилизировать обстановку в стране”. Дубынин, командовавший тогда дислоцированной под Минском танковой дивизией (он готовил план ввода танков в район южнее Варшавы) утверждал: “Я знал задачи, знал, куда должен был войти, знал все населенные пункты, которые намечалось занять”⁵². А в 1992 г. он заявил в печати, что по разработанному плану вторжение планировалось на 14 декабря, если планы введения военного положения на тот момент не “сработают”⁵³. О том же свидетельствует в своей книге “Я расскажу вам правду” замминистра обороны СССР, генерал В.А. Ачалов, командующий военно-десантными войсками, отработывавший в ходе оперативно-стратегических учений “Запад – 81” массовый десант в случае ввода войск на территорию Польши. В его задачу входило взятие под контроль Варшавы и Лодзи, а также основных стратегических пунктов (ЦК ПОРП, Сейма, госцентробанка, министерств внутренних дел и обороны, и т.д.), интернирование генерала Ярузельского и других руководителей страны и армии⁵⁴. Есть аналогичные свидетельства о готовности к вводу войск, в том числе на ноябрь – декабрь 1981 г., и из других источников – генералов В. Дудника и Д. Сухорукова, полковников В. Алксниса, И. Качугурного, В. Конова-лова и др.

⁴⁹ Лавренев С.Я., Попов И.М. Указ. соч., с. 399.

⁵⁰ Грибков А.И. Судьбы Варшавского Договора. М., 1998, с. 133.

⁵¹ Лавренев С.Я., Попов И.М. Указ. соч., с. 400.

⁵² Борецкий Р. Указ. соч., с. 103–104.

⁵³ Новое время, 1992, июль, № 27, с. 26–27; Лавренев С.Я., Попов И.М. Указ. соч., с. 400.

⁵⁴ См.: Ачалов В. Я расскажу вам правду. М., 2006; Сегодня, 7.II.1995.

На заседании Политбюро ЦК КПСС 21 октября при обсуждении “польского” пункта повестки дня после визита Русакова в Варшаву была сформулирована следующая позиция: на все зондажи поляков отвечать, что СССР вводить войска в Польшу не будет. Приехавший с военного совещания Устинов обосновывал это тем, что “наши войска нельзя вводить в Польшу. Поляки не готовы, чтобы принять наши войска”. Сулов настаивал на том, что никакие войска нельзя вводить ни на каких условиях, “даже в том случае, когда осуществить этот шаг попросит польское руководство”, а с возможным новым руководством, даже социал-демократическим, “пытаться... сотрудничать”⁵⁵. Он сообщил польскому руководству, что советские войска будут гарантировать безопасность Польши в случае возникновения угрозы извне, но ни при каких обстоятельствах не будут использованы для внутривнутриполитических целей. Такие действия, сделал вывод Брежнев, не дают ясного представления о том, что будет с Польшей дальше⁵⁶. Для советского руководства возникала качественно новая, проблемная ситуация, выводящая развитие событий из-под контроля.

Не прекращая давления на Ярузельского, Брежнев через посла обратился к нему с письмом – “призывом” учесть, что дело уже не в том, будет конфронтация или нет, а в том, кто ее начнет и какими средствами она будет осуществляться и кто сохранит инициативу⁵⁷.

29 октября, при рассмотрении в контексте положения в Польше вопроса “Об итогах поездки т. Русакова в ГДР, ЧССР, ВНР, НРБ”, Андропов на Политбюро ЦК КПСС настойчиво повторял, что если польские руководители затрагивают вопрос о военной помощи со стороны братских стран, то нужно твердо придерживаться линии – войска в Польшу вводить мы не будем.

Ярузельский постоянно выяснял настроение и намерения советского руководства, но по-прежнему не спешил с введением военного положения, продолжая поиски путей политического соглашения с “Солидарностью”, переговоры с которой позволили бы погасить конфликт. Последней, неудачной попыткой договориться с оппозицией стала встреча 4 ноября в Варшаве В. Ярузельского, кардинала Ю. Глемпа, заменившего покойного С. Вышинского на посту главы польской католической церкви, и руководителя “Солидарности” Л. Валенсы, рассмотревших предложение о создании Фронта национального согласия. Однако становившаяся все более напряженной ситуация подталкивала к конфронтации. На расширенном заседании президиума Всепольской комиссии “Солидарности” эта идея была отвергнута.

Обеспокоенность советского руководства вызвало и продиктованное резким ухудшением экономического положения решение Польши вступить в Международный валютный фонд, завершившееся, хотя и не сразу, получением экономической помощи.

Усиливалось недоверие советского руководства к Ярузельскому и в связи с затягиванием им введения военного положения. 11 ноября Сулов выступил на пленуме ЦК КПСС с закрытым докладом о положении в Польше, готовя советский партийный актив к приближавшимся решающим действиям. Кроме варианта “А” (введение военного положения) в силовых структурах и аппарате ЦК КПСС был подготовлен и вариант “Б”, согласно которому в случае нарастания анархии в стране власть должны были взять, опираясь на военно-материальную мощь советских войск в Польше, “здоровые силы” в ПОРП⁵⁸. Была информация и о готовности группы силовиков во главе с генералом М. Мочаром ускорить отставку Ярузельского, заменив его решительным сторонником подавления оппозиции. 19 ноября прошла общепольская конференция

⁵⁵ Грибков А.И. Указ. соч., с. 147–149; его же. “Доктрина Брежнева” и польский кризис начала 80-х гг. – Военно-исторический журнал, 1992, № 9, с. 46–47.

⁵⁶ РГАН, ф. 89, оп. 41, д. 48, л. 4–6.

⁵⁷ Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 98.

⁵⁸ Мусатов В.Л. Указ. соч., с. 198. Подробнее см.: Мусатов В.Л. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996, с. 226–227.

так называемых форумов “здоровых сил”, продемонстрировавшая готовность наступления на “контрреволюцию”. Обсуждались получившие широкое хождение в практически расколовшейся ПОРП вопросы не только чистки и обновления, но и создания новой партии. На 15 декабря планировалось проведение ее учредительного съезда. Пополнившаяся новыми боевыми контингентами СГВ была призвана обеспечивать при подавлении “Солидарности” тылы, если бы эскалация конфликта продиктовала такой ход развития событий.

Запутанность ситуации и неопределенность перспектив ее развития вызывала трудности в выработке четкой позиции советского руководства. Варианты протокола заседания Политбюро ЦК КПСС с датой “21 ноября” оказываются существенно различающимися. Опубликованный вариант явно переработан. В архивной “рабочей записи”, переданной Ярузельскому, нет ключевой, пятой страницы⁵⁹. В одном варианте текста речь идет об обсуждении с Ярузельским вопроса о военной помощи, в другом он настаивает на том, что Польша справится с ситуацией собственными силами. Суслов на заседании 21 ноября констатировал: “Ярузельский хитрит с нами”⁶⁰. Сам Ярузельский в интервью Борецкому так прокомментировал это: «Приходилось вести своеобразную двойную игру – трудную, если угодно, не без хитрости. Между прочим, игра была двусторонней. Нас прошупывали насчет введения военного положения. Мы, в свою очередь, старались узнать, насколько угрожает нам “братская помощь”. Особенно трудно было с Сусловым, который проигрывал различные варианты: “А если вы начнете, а потом мы войдем?” “Сами справимся”, – отвечаю. “А если ситуация осложнится?” Я хорошо помнил, что сказал Брежнев моему предшественнику, первому секретарю ЦК ПОРП Кане: “Если ситуация будет осложняться, то мы войдем”. Было это еще в 1980-м. Но вряд ли что-то изменилось год спустя. Потому настаивал: “справимся сами”»⁶¹.

На заседании 21 ноября Политбюро ЦК КПСС постановило организовать прием в СССР партийно-государственной делегации ПНР во главе с Ярузельским. А уже 22 ноября в устном послании Брежнева ему рекомендовалось немедленно начинать силовую конфронтацию с “Солидарностью”.

2–4 декабря в Москве состоялось заседание Комитета министров обороны Варшавского договора. Центральным был польский вопрос. 3 декабря Куликов, который был убежден в том, что “войска все равно вводить придется”, и открыто заявлял, что, если содружество во главе с СССР уже не имеет сил “любым, в том числе и жестким способом поддерживать порядок на своей периферии... развал становится неизбежным”⁶², говорил с Ярузельским по поводу ввода 8 декабря в 00. часов в Польшу войск союзников⁶³. В силу сложности ситуации польский представитель генерал Сивицкий ставил вопрос о морально-политической поддержке в виде заявления с осуждением действий контрреволюции в Польше и вмешательства во внутренние дела страны со стороны НАТО. Это заявление должно было продемонстрировать, что Польша не одна и Советский Союз готов к решительным действиям. Но союзники уклонились от такого шага. Когда это предложение ввиду “отсутствия полномочий” у министров обороны Венгрии и Румынии принято не было, Ярузельский высказал большое недоумение по поводу того, что они “не хотят взять на себя хоть какую-то часть ответственности, даже тогда, когда они постоянно утверждают, что польская проблема – это проблема всего Варшавского Договора, а не только Польши”. Этим самым, подчеркнул он, “союзники загоняют нас в безвыходное положение... оставляют нас одних”. В этой связи возник

⁵⁹ В хранящейся в Архиве Президента РФ подборке протоколов Политбюро ЦК КПСС эта страница действительно отсутствует.

⁶⁰ РГАНИ, ф. 89, оп. 41, д. 48, л. 4–6; Новая и новейшая история, 1994, № 1.

⁶¹ Борецкий Р. Указ. соч., с. 94–95.

⁶² Лавренев С.Я., Понов И.М. Указ. соч., с. 401.

⁶³ Там же, с.402; Jaruzelski W. Mein Leben für Polen. Erinnerungen. München, 1993, s. 234–235.

вопрос о возможной военной помощи со стороны СССР, если военное положение начнет “пробуксовывать” и ситуация “станет критической”⁶⁴.

7 декабря по поручению Брежнева в Польшу в очередной раз прилетел маршал Куликов вместе с председателем Госплана СССР Н.К. Байбаковым, которому было поручено обещать Польше экономическую помощь в случае введения военного положения. Торопя Ярузельского с его введением, Брежнев предупреждал: если необходимые меры не последуют немедленно, будет поздно – это уже будет, как передает содержание брежневского заявления Воронков, “вопрос всех нас”⁶⁵. Таким образом, вновь был озвучен вариант ввода в Польшу частей ОВД. Куликов, убежденный в необходимости использования любых средств для сохранения этой организации, одновременно должен был исходить из “определенной по этому вопросу общеполитической линии ЦК КПСС” и вынудить генерала Ярузельского своими силами немедленно ввести военное положение. Он продолжал беседы с Ярузельским в Варшаве, но они не приводили к какому-либо конкретному решению⁶⁶. Даже зондирование относительно возможных сроков введения военного положения по-прежнему не давало результатов. Польское руководство продолжало поднимать вопрос об оказании ему политической поддержки. 9 декабря фактически исполнявший функции министра обороны Сивицкий от имени Ярузельского обратился к Москве с настоятельной просьбой безотлагательно сделать официальное заявление от имени правительства или хотя бы ТАСС о ситуации в Польше. Однако такого заявления не последовало.

10 декабря, на последнем перед введением военного положения, неплановом заседании Политбюро ЦК КПСС, согласно “рабочей записи” протокола, предстояло срочно определиться с вопросом о возможности ввода в Польшу дислоцированных на границе дополнительных соединений, помимо укрепляемой, по свидетельству Устинова, на ее территории СГВ.

В.Л. Мусатов обращает внимание на многофакторность, сложность ситуации и дальнейшую проработку советских вариантов выхода из нее: у военных были наметки, как защищать ведущие в ГДР коммуникации, противодействовать активным действиям НАТО. Резидент КГБ в Польше В.Г. Павлов писал о планах “прокладывания канала” в Западную Польшу и ГДР для поддержания сообщения с Северной Группой войск⁶⁷. Оказались весьма запутанными вопросы как о намерениях и готовности польского руководства ввести военное положение, так и о поведении находившегося в те дни в Варшаве маршала Куликова. В рабочей группе “польской комиссии” обсуждался вариант (и имелась соответствующая разработка) введения руками поляков “военно-политической диктатуры с генералом или без него, так сказать коллективной хунты”; были назначены и непосредственно ответственные за интернирование генерала Ярузельского и других польских лидеров лица из числа советских военнослужащих⁶⁸.

Информация по этим вопросам в двух вариантах “рабочей записи” заседания Политбюро ЦК КПСС (изначально кратком архивном, а также расширенном, более объемном и перенумерованном, подготовленном для публикации и для передачи Б.Н. Ельциным в августе 1993 г. Л. Валенсе) весьма различается, являясь как бы правдоподобной, но весьма противоречивой⁶⁹. С одной стороны, везде делается акцент на то, что наведение порядка в Польше – дело ПОРП, ее ЦК и политбюро, с другой – в переданном варианте усилено звучание якобы имевших место просьб поляков о вводе советских войск, по-видимому, на случай оправдания реализации такого варианта.

⁶⁴ Цит. по: Лавренев С.Я., Попов И.М. Указ. соч., с. 402.

⁶⁵ Воронков В.И. Указ. соч., с. 120.

⁶⁶ Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 103.

⁶⁷ См.: Generał Pawłow...

⁶⁸ Мусатов В.Л. Предвестники бури, с. 227; *его же*. Россия и Восточная Европа, с. 198.

⁶⁹ См.: РГАНИ, ф. 89, оп. 66, д. 6; Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 97–103; Советский архив. Собрал В. Буковский. – psi.ece.jhu.edu

Ярузельский говорит о зондированиях ситуации и отвергает существование таких обращений. Русаков же утверждает, что, по его информации, генерал, опираясь на заверения Куликова, надеялся на помощь других стран, вплоть до введения войск союзников. По поводу зондирования генералом вопроса относительно того, как поведут себя носители “интернациональной помощи”, если польскими силами план реализовать не удастся, Русаков констатирует: “Он, похоже...водит нас за нос”. В интервью же Борецкому Ярузельский обращает внимание на то, что лишь в одной, “недостовой” “рабочей записи”, в которой “действительно что-то не в порядке”, содержится утверждение, будто он выражал намерение в случае необходимости просить “братской помощи” – “связаться с союзниками” на предмет введения их войск на территорию Польши и ожидал, что такая помощь “будет оказана и со стороны СССР”⁷⁰ – со ссылкой на обещания Куликова.

На Политбюро ЦК КПСС 10 декабря Русаков поспешил уточнить, что Куликов просто повторил слова Брежнева о том, что мы “Польшу в беде не оставим”. Андропов же, связывавшийся с министром М. Милевским, констатирует иное: “они пока не имеют твердого решения о введении военного положения”, не установлена и вероятная дата. Более того, «на операцию “Х” они пойдут тогда, когда ее навяжет “Солидарность”». Андропов подчеркивает, что упомянутое заявление Куликова “было бы неправильным” – проведение операции “целиком и полностью должно быть решением польских товарищей, как они решат, так тому и быть. Мы не будем настаивать на этом и отговаривать не будем”. Смысл советской позиции он объясняет так: «Мы не можем рисковать. Мы не намерены вводить войска в Польшу. Это правильная позиция, и нам нужно ее соблюдать до конца. Я не знаю, как будет обстоять дело с Польшей, но если даже Польша будет под властью “Солидарности”, то это будет одно. А если на Советский Союз обрушатся капиталистические страны, а у них уже есть соответствующая договоренность, с различного рода экономическими и политическими санкциями, то для нас это будет очень тяжело. Мы должны проявлять заботу о нашей стране, об укреплении Советского Союза. Это наша главная линия»⁷¹. В другом варианте это место записано так: «Ярузельский опять поднимает вопрос о нашем военном вмешательстве. Мы уже говорили ему, что мы не можем вмешиваться в польские дела, мы не будем этого делать, но он, видимо, не очень надеется на свою армию. И поэтому, в качестве гарантийной меры, хотел бы иметь нашу гарантию о нашем вмешательстве... Он должен рассчитывать только на свои силы. Одно дело, если в Польше победит “Солидарность”, и совсем другое, если мы туда вторгнемся, и на нас обрушится весь западный мир с санкциями и т.д.»⁷².

Бывший заместитель начальника внешней разведки, а затем начальник Аналитического управления КГБ СССР генерал-лейтенант Н.С. Леонов, по свидетельству Мусатова, рассказывал, что на совещаниях у Андропова кое-кто поднимал вопрос о военных мерах в Польше, на что председатель КГБ неизменно отвечал, что “лимит интервью исчерпан” и следует искать другие решения. Мусатов считает, что афганский фактор, все более нарастающая вовлеченность СССР и его вооруженных сил в этот конфликт явно не способствовали открытию нового военного очага на западных границах Советского Союза. “Во-первых, – полагает Мусатов, – наблюдался лимит сил, во-вторых, наличествовал фактор риска – можно было надолго увязнуть в такой большой стране, как Польша, в-третьих, многие международные позиции Советского Союза и его мирные инициативы, провозглашенные на XXVI съезде КПСС, оказались бы под угрозой”⁷³.

Советские руководители 10 декабря единогласно приняли решение официально сообщить Ярузельскому, что он может рассчитывать только на свои силы. Министр

⁷⁰ Борецкий Р. Указ. соч., с. 96.

⁷¹ Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 100.

⁷² Там же.

⁷³ Мусатов В.Л. Предвестники бури, с. 227.

обороны Устинов при этом подтвердил, что генерал именно на них и рассчитывает, а Куликов “прекрасно знает, что поляки сами просили не вводить войска”⁷⁴.

Позднее предпринимались неубедительные попытки приписать Ярузельскому просьбы о вооруженной помощи со ссылкой на не являющиеся официальными, с непронумерованными страницами, ничем не оправданными лакунами и эмоциональными вставками записи в “рабочих тетрадах” “из собственного архива” адъютанта Куликова генерала В. Аношкина⁷⁵. Свидетельство Устинова на заседании Политбюро ЦК КПСС 10 декабря о последовательной позиции Ярузельского в отношении отказа от “интернациональной помощи” их однозначно опровергает. Генерал четко охарактеризовал свою позицию относительно применения ВС ОВД в ответе Борецкому на вопрос «Можете ли Вы кратко – да или нет – сказать, просили ли Вы о прямой “братской помощи”». И вообще есть ли на этот вопрос однозначный ответ?»: «Есть однозначный ответ: “нет”. Мне уже много раз приходилось об этом и говорить, и писать. Фундаментальный смысл всегда сводился к утверждению, что дела польские должны быть разрешены нашими собственными усилиями... Армия пользовалась небывалой массовой поддержкой: по данным опроса общественного мнения, 93 процента поляков доверяли ей!... Так что, спрашивается, зачем же нам было звать “большого брата” на помощь?!... Не был я и самоубийцей. Так как позвать к нам чужую армию означало бы не военное положение, но национальное восстание, фактически состояние войны. А такая война могла бы вовлечь не только гражданских лиц, но и повлечь раскол армии. И первым получил бы пулю я»⁷⁶.

В представленной на заседании Политбюро ЦК КПСС информации из Варшавы от Куликова, Байбакова и посла Аристова имеют место явные нестыковки относительно позиций высокопоставленных польских силовиков: решение о введении военного положения то ли было, то ли не было принято на заседании Политбюро ЦК ПОРП 5 декабря; его или планируется ввести в ночь на 13 декабря, или это не связывается с какой-либо датой, либо вообще проблематично; его предварит объявление по радио и телевидению “около 20 час” председателем Государственного Совета Г. Яблоньским; генерал Ярузельский видит его условием принятия соответствующего закона только после того, как он будет обсужден в Сейме, заседание которого состоится 15 декабря (но такого вопроса в повестке дня Сейма не значится).

Если перед этим, по свидетельству заместителя руководителя Отдела ЦК по сотрудничеству с коммунистическими и рабочими партиями соцстран Г.Х. Шахназарова, Суслов подчеркивал необходимость держать поляков и весь мир в убеждении, что введение советскими войсками военного положения “не исключено” и для этого всячески демонстрировать угрозу силой (“верил в это Ярузельский или нет, – подчеркивал Суслов, – не имело особого значения”, “как руководитель страны, он обязан был не исключать такой возможности”)⁷⁷, то на заседании политбюро 10 декабря Суслов определился жестко: “Если войска будут введены, то это будет означать катастрофу. Я думаю, что у нас у всех здесь единодушное мнение, что ни о каком вводе войск речи быть не может”. Другие члены его комиссии – Громыко, Гришин, Устинов – высказались столь же однозначно, в духе “невмешательства”⁷⁸. Было принято и соответствующее решение, в котором отмечалось, что долгожданное силовое разрешение “польского вопроса” должно быть осуществлено польскими силами.

Ситуацию проясняет официальное письмо М.С. Горбачева от 1 августа 1995 г. в комиссию конституционной ответственности Сейма, разбиравшую вопрос о введении военного

⁷⁴ Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 102.

⁷⁵ Przed i po 13 grudnia. Państwa bloku wschodniego wobec kryzysu w PRL 1980–1982, t. II. Warszawa, 2007, s. 398; Время новостей, 12.XII.2008.

⁷⁶ Борецкий Р. Указ. соч., с. 96–97.

⁷⁷ Шахназаров Г.Х. Встречи с лидерами социалистических стран. – Новая и новейшая история, 2000, № 3, с. 161.

⁷⁸ Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 97–99, 101, 102.

положения. В нем, в частности, есть такой фрагмент: “Советское руководство металось в поисках выхода между двумя, одинаково неприемлемыми для него решениями: согласиться с хаосом, охватившим Польшу и влекущим за собой распад всего социалистического лагеря, или отреагировать на события в Польше вооруженной силой... Тем не менее наши войска, танковые колонны вдоль границы с Польшей, а также достаточно сильная Северная Группа Войск внутри Польши – все это при определенных экстремальных условиях могло быть приведено в действие”⁷⁹. Что касается роли Ярузельского в процессе демократизации, то, по мнению Горбачева, он отнюдь не был склонен к массированному подавлению обретшего небывалый накал и динамику общественного движения “Солидарность”, порожденного сочетанием социально-экономических, внутривластных и внешнеполитических факторов назревавших системных преобразований. Именно Ярузельскому Польша обязана отказом от намерений использовать войска ОВД для силового разрешения конфликта⁸⁰. Нельзя не учитывать и того, что передислокация польских частей исключала возможность размещения на польской территории союзнических частей, готовых нести “братскую помощь”⁸¹. При этом Ярузельскому удалось оставить общественное развитие в рамках дискурса на тот период неизбежного, мирного сохранения “социалистического содружества”.

В тот же день, 10 декабря, Ярузельский обратился к советскому руководству с просьбой направить в Варшаву одного из членов Политбюро ЦК КПСС – для оказания политической поддержки. В воспоминаниях генерала Грибкова в этой связи говорится о телефонном разговоре Русакова с послом Аристовым, в ходе которого Русаков поручил сообщить польскому руководству следующее: в ближайшее время никто из руководства КПСС в Польшу не придет; что касается заявления правительства, то “меры будут приняты”; войска в Польшу вводиться не будут, полякам надо решать проблемы своими силами; о дополнительной экономической помощи председатель Госплана “готовит ответ”. Ярузельский увидел в этом определенное дистанцирование от польских проблем. Сивицкий в сердцах заявил: “Если не будет оказана вся необходимая помощь, Польша для Варшавского Договора будет потеряна”⁸².

12 декабря в Москве обсуждался вопрос о направлении в Варшаву делегации во главе с Сусловым. В назначенный день Устинов позвонил находившемуся в Польше Куликову: вопрос о вылете Суслова, Русакова и Черненко, сообщил он, рассматривается. Советское руководство “не желало раскрывать карты” в этот напряженный момент, стремясь сохранить за собой полную свободу действий. Визит не состоялся. Между тем, предназначенные для введения на польскую территорию советские части находились в боеготовности вплоть до весны – лета 1982 г.⁸³.

13 декабря 1981 г., в 00. часов, в Польше началось введение военного положения. Объявление об этом было сделано в 6.00. В тот же день Политбюро ЦК ПОРП, информируя в соответствии с регламентом руководство стран ОВД о введении в Польше военного положения, подчеркнуло, что накануне этого мероприятия в ответ на сообщение В. Ярузельского о своих намерениях “ему передали, что советское руководство относится к такому решению польских товарищей с пониманием”, одобряет обращение генерала Ярузельского к народу. Приветствовалось подтверждение руководящей роли ПОРП, верность ПНР союзническим обязательствам по Варшавскому Договору⁸⁴.

⁷⁹ См.: *Ярузельский В.* Можно ли было избежать введения военного положения в Польше в 1981 году? – Новая и новейшая история, 2008, № 4, с. 115–116.

⁸⁰ Вести.Ru, 12.IX.2008; Przegląd, 23.XI.2008; и др.

⁸¹ *Górnicki W.* Teraz już można: ze wspomnień kulawego szery. Wrocław, 1994, s. 23.

⁸² *Грибков А.И.* Судьбы Варшавского Договора, с. 140–141.

⁸³ *Jaruzelski W.* Stan wojenny. Dłaczego. Warszawa, 1992, s. 349, 350, 396–398; *idem.* Pod prąd. Refleksje rocznicowe. Warszawa, 2005, s. 141–147, 157–167; *idem.* Być może to ostatnie słowo. Warszawa, 2008, s. 224, 225, 305–311.

⁸⁴ Новая и новейшая история, 1994, № 1, с. 104.

Тем временем “доктрина Брежнева” уже теряла силу. Становились очевидными такие последствия проведенной операции: введение военного положения политическим решением генерала Ярузельского и его команды спасло страну от прихода к власти “здоровых сил” и неизбежного кровопролития, от гибели сотен, а может быть и тысяч людей. Необходимый для обеспечения дальнейшего развития грамотный учет внешнеполитической обстановки сочетался с принятием таких политических планов и действий, которые, подморозив варианты весьма противоречивого, чреватого вооруженными столкновениями и гражданской войной взрыва, позволили вначале снять чрезмерный накал противостояния, а затем в перспективе перевести его в русло мирного переговорного процесса. Мирное введение военного положения устроило и СССР, и США.

Правда, советское руководство посчитало возникший политический режим недостаточно жестким и во время визита польской делегации в Москву 1 марта 1982 г. старалось переориентировать польские власти на восстановление партийно-политических структур из “здоровых сил”. Ярузельский не принял этот чреватый новой конфронтацией курс. Относительно спокойный, “подмороженный” режим военного положения позволил стране избежать регрессивного развития в экономике и подготовить выход на путь преодоления кризиса, проведения демократических преобразований в сфере политики и развития рыночной экономики. Это позволило постепенно снизить социальную напряженность и в 1989 г. достичь политического компромисса между властью и умеренной частью оппозиции, перейдя мирным путем к системной трансформации.